Отзыв
на диссертацию Чибирова Алексея Людвиговича
«Скифо-сармато-аланская проблематика в историографии российского зарубежья XX – начала XXI в.», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.5. – «Историография, источниковедение, методы исторического исследования»

Проблема появления ираноязычных народов на Юге России и их взаимодействия с представителями широкой палитры разнообразных этносов, населявших в разное время этот полиэтничный регион, волнует ученых уже около двухсот лет. С момента раскопок первого царского скифского кургана Куль-Оба возле Керчи в 1830 г. началась череда ярких открытий скифской элитарной культуры, шедевры которой пополнили коллекции ведущих музеев нашей страны и ближнего зарубежья. А введенные в широкий оборот сведения Геродота об обычаях и истории скифов и предшествующих им киммерийцев положили начало первым сведениям о народах степного пояса Евразии, имя которых мы знаем из письменных источников.

За прошедшие сто пятьдесят лет всестороннего научного изучения наследия ираноязычных народов нашей страны – скифов, сарматов, аланов – сформировался внушительный список литературы по данной теме, появилось несколько историографических школ, рассматривающих под разными углами вопросы происхождения, развития, культурного и этнического влияния, языкового наследия древних иранцев. Среди длинного списка ученых, занимавшихся вопросами иранистики, достойное место отводится и представителям российской науки, оказавшимся в вынужденной эмиграции в начале XX столетия, научное наследие которых формировалось за рубежом. Несмотря на то, что плоды этого творчества уже становились предметом рассмотрения отечественных и зарубежных историков науки, до сих пор не появилось монографического труда, в котором были бы систематизированы научные взгляды и общественная деятельность наиболее известных представителей российского научного зарубежья в связи с проблемами этно-

и культурогенеза, а также культурных контактов скифов, сарматов и аланов. Восполнить этот пробел и призвано рассматриваемое диссертационное исследование Алексея Людвиговича Чибирова.

Тема диссертации лежит на стыке историографии скифологии, сарматологии и алановедения и истории русской эмиграции. Актуальность ее определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, автор справедливо указывает на отсутствие обобщающей работы, в которой труды ученых российского происхождения, работавших за рубежом, рассматривались бы как единый историографический массив по проблематике ираноязычных народов Юго-Восточной Европы. Во-вторых, алано-осетинская тематика остается предметом острой общественной и политической полемики на Северном Кавказе, и трезвый историографический анализ того, как складывались и менялись научные представления, имеет не только академическое значение. Выбор темы соответствует направлению 4 паспорта специальности 5.6.5 (использование достижений зарубежной науки в отечественной историографии; зарубежная историография ключевых проблем отечественной истории).

Диссертация состоит из введения, семи глав, заключения, библиографии и списка сокращений. Во введении автор формулирует актуальность темы исследования, его цели и задачи, обозначает территориальные и хронологические рамки работы. Далее даются характеристики объекта и предмета исследования, его методологической основы и источниковой базы, а также научной новизны. А.Л. Чибиров определяет 13 положений, выносимых на защиту, в которых даются разные аспекты освещения скифо-сармато-аланской проблематики в работах нескольких поколений ученых – представителей российской зарубежной науки. Теоретическая и практическая значимость работы сводится к тому, что ее результаты могут быть использованы в вузовских курсах по историографии, антиковедению, иранистике и кавказоведению, при подготовке обобщающих трудов по истории сарматологии и алановедения, а также в научно-просветительской работе по противодействию псевдоисторическим построениям.

Здесь стоит остановиться на некоторых моментах, которые представляются мне не бесспорными с теоретической точки зрения. Прежде всего, не очевидно, насколько правомерно объединять в понятие «российское зарубежье» столь «разношерстную» группу исследователей, которая включает антиковеда (М.И. Ростовцев), историка-евразийца (Г.В. Вернадский), археолога (М.М. Казанский), индоевропеиста (А.М. Лубоцкий), лингвиста и мифолога (Б. Мысыккаты), историка-самоучку и поэта (Дз. Зураев, Дз. Дзанти).

Обращает на себя внимание то, что из тринадцати положений целый ряд (7-10) носит описательный характер: они излагают содержание трудов изучаемых авторов, а не формулируют положения, которые можно было бы оспаривать. Кроме того, в положении 1 недостаточное знакомство с трудами зарубежных российских ученых названо «существенным упущением отечественной науки», тогда как в разделе «Степень изученности проблемы» (с. 13-14) отмечено, что их работы в советское время были известны и критиковались, а биография и труды М.И. Ростовцева и Г.В. Вернадского уже стали предметом ряда монографий и диссертаций (В.Ю. Зуев, И.В. Тункина, Ч. Гальперин, А.Ю. Дворниченко и др.).

Вызывает также сомнение сама постановка исследовательской задачи – определить влияние эмиграции на научные труды по изучению скифов, сарматов и аланов. Во введении заявлено намерение выяснить, как «связь с Родиной или отсутствие ее» повлияли на трансформацию взглядов российских зарубежных ученых (с. 13). Однако, на с. 172 констатируется, что «сложно однозначно оценить», как эмиграция сказалась на Ростовцеве, а основные его труды по рассматриваемой теме созданы до 1918 г. в России (с. 179). Для Г.В. Вернадского влияние эмиграции показано главным образом через фигуру Дз. Дзанти. Для второй волны ученых автор отмечает их «глубокую интеграцию» в российское научное пространство (положение 13), но доказательств этому, помимо личных контактов, не приводит. В результате центральный вопрос работы (что именно придает историографии «российского зарубежья» самостоятельное качество) остается без ясного ответа; сам диссертант в положении 13 признает отсутствие «феномена» и

научной школы, говоря о «серии ярких одиночек». Тогда необходимо уточнить, чем обоснован выбор «российского зарубежья» как основной аналитической рамки, а не, например, историографии скифо-сармато-аланской проблематики в целом.

Первая глава работы А.Л. Чибирова задает историографический и фактологический фон. В ней в трех параграфах дается общая характеристика иранских народов степной полосы Юга России, рассматривается история изучения аланов и осетин от Г.Ф. Миллера до В.Ф. Миллера и Ю.А. Кулаковского, дается характеристика зарубежной историографии первой половины XX в. В этой полновесной сводке всех основных работ, посвященных истории, археологии и лингвистике иранских степных народов, имеется досадный пробел – автор не использует монографию С.А. Григорьева «Происхождение и миграции иранцев» (Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2025. 641 с.), в которой содержится масштабный синтез современных знаний по истории археологии, лингвистике и палеогенетике иранских народов Евразии. Сделанные этим автором обобщения могут в некоторых случаях серьезно повлиять на выводы, приводимые в рассматриваемой диссертации.

Кроме того, здесь и далее Л.А. Чибировым регулярно употребляется географический термин «Центральная Азия» в качестве истока движения древних иранцев. И если в случае скифов (с. 268) данная терминология может быть приемлема, то считать индоиранцев (с. 30, 265), сарматов (с. 289) или аланов (с. 87) выходцами из центральноазиатского региона выглядит с точки зрения географической номенклатуры, принятой в отечественной археологии, ошибочно. В российской и советской традиции встречается деление на «Среднюю Азию» (Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Киргизия, южный Казахстан) и «Центральную Азию» (в более широком, внутриазиатском смысле, с Монголией, Синьцзяном и Тибетом). В археологии и истории кочевников обычно используют более широкие рамки для термина «Центральная Азия» – она нередко включает Алтай, Саяны, Монголию и Синьцзян. Племена саков и массагетов относят к Средней Азии и Казахстану, а Волго-Уральский регион, где формировались сарматы, к

Центральной Азии в широком смысле не относят: это Восточная Европа и степь Евразии.

Вторая глава характеризует современное состояние сарматологии и алановедения по работам А.С. Скрипкина, В.Ю. Малашева, Д.С. Коробова, С.А. Яценко, С.В. Кулланды и В.А. Шнирельмана. Автором даются подробные и в целом исчерпывающие характеристики работ перечисленных исследователей. Вызывает замечание пассаж на с. 101, в котором говорится об утрате осетинами традиций кочевого образа жизни. Он в каком-то смысле перекликается с широко известной гипотезой о «двуприродности» происхождения осетинского этноса (суперстратного аланского и субстратного кавказского), которая, якобы, подтверждена на археологическом материале В.Ю. Малашевым (с. 116, 162). Здесь следует отметить, что если мы принимаем происхождение современных осетин от северокавказских алан, то их происхождение, в свою очередь, восходит к местному оседлому пост-кобанскому населению центральных равнин Северного Кавказа (субстрат), испытавших культурное и, очевидно, генетическое влияние среднесарматского кочевого населения (суперстрат). Это подтверждается как данными археологии, так и результатами палеогенетического анализа, и в этом заключается «двуприродность» северокавказских алан, которая отличается от принятых ранее концепций их этногенеза. Говорить же о «двуприродности» осетинского народа в настоящий момент не приходится. И никаких достоверных данных о кочевническом облике этого этноса или его предков – северокавказских алан – мы в настоящий момент не имеем.

Следует также отметить постоянно возникающее в этой главе и в других местах диссертации утверждение о существовании у ранних алан II-IV вв. «городской культуры», «раннегородской цивилизации» (с. 162, 297, 324), «раннего государства» (с. 324, 405, 564), которое иногда называется Кавказской Аланией (с. 203, 297, 405). Это, безусловно, преувеличение. По мнению автора рецензии, которое опирается на выводы других коллег-археологов (прежде всего, на неоднократно цитируемого в работе В.Ю. Малашева), говорить о городской культуре или раннем государстве у

носителей аланской культуры раннего этапа II-IV вв. не приходится. Сам В.Ю. Малашев употребляет более осторожные термины: «протогорода» и «аналог раннего государства». Мне представляются эти формулировки более обоснованными. Кавказской Аланией же принято именовать раннегосударственное образование X-XII вв., но никак не раннеаланские сообщества.

В третьей и четвёртой главах диссертации анализируется научное наследие М.И. Ростовцева в аспекте изучения скифо-сармато-иранской проблематики. Фигура ученого справедливо рассматривается как значимая для русской и зарубежной исторической мысли.

По мнению автора, монархические убеждения М.И. Ростовцева побуждали его видеть в Скифии предтечу российской государственности, что приводило к неоправданному усложнению представлений о скифском обществе и к использованию анахроничной терминологии («государственность», «помещики», «дружинники»). Вместе с тем отмечается, что М.И. Ростовцев первым предпринял попытку обобщить и систематизировать весь известный к началу XX в. материал, включая предметы быта и производства, ранее остававшиеся вне внимания исследователей, ориентированных преимущественно на «скифское золото». Подробно рассмотрены ключевые работы, среди которых «Эллинство и иранство на юге России» (1918 г.) и «Скифия и Боспор» (издана в 1925 г. после отъезда автора из России, но завершена в 1918 г.).

Периодизация деятельности ученого на российский и эмигрантский этапы сопровождается тезисом о неоднозначном влиянии эмиграции: отрыв от источниковой базы привел, по мнению Л.А. Чибирова, к прекращению разработки скифо-сарматской темы. Несмотря на это, М.И. Ростовцев включается в зарубежную русскую историографию как фигура, связавшая дореволюционную науку с эмигрантской и передавшая опыт последователям. Вывод о том, что М.И. Ростовцев «состоялся» как ученый именно в США, автором отвергается.

Следует особо остановиться на политических взглядах М.И. Ростовцева, которые в диссертации характеризуются как монархические.

Автор рассматриваемого исследования неоднократно называет Михаила Ивановича «убежденным монархистом» (с. 169, 174, 177, 201, 587), при этом отмечая, что тот примыкал к кадетам (с. 169). Уже в этих формулировках содержится явное противоречие – партия конституционных демократов состояла в оппозиции монархическому строю дореволюционной России и включала в себя видных республиканцев, поддержавших Февральскую революцию и игравших ведущую роль во Временном правительстве. М.И. Ростовцев был либералом западного типа, противником большевизма и сторонником конституционного строя. Он принадлежал к либеральной профессуре Петербургского университета, где преподавал с 1901 по 1918 год. Он поддержал Февральскую революцию. В августе 1917 г. он публиковался в кадетской партийной прессе (см. напр. статью «Новый строй и наука» в газете партии «Свободный народ»). Будучи решительным противником большевиков и до, и после отъезда из России, он, тем не менее, к сторонникам реставрации самодержавия открыто не примыкал (см. Клейн Л.С. «История археологической мысли». СПб., 2011. С. 669-675).

В четвертой главе освещены взгляды М.И. Ростовцева на становление сарматских культур, переход от Скифии к Сарматии и связи иранского мира с Боспорским царством. М.И. Ростовцев справедливо рассматривается здесь как основоположник сарматологии. Здесь есть еще одна небольшая неточность, на которую стоит обратить внимание. Автор диссертации многократно упоминает в качестве «донских алан» жителей Нижнего Дона I-IV вв. (с. 49, 55, 91, 129, 130, 297, 317, 319). Данный термин обычно употребляется по отношению к аланскому населению Среднего Подонья (лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры) VIII-X вв., а в данном контексте лучше использовать термин «аланское население Нижнего Подонья».

Пятая глава посвящена Г.В. Вернадскому, чье обращение к иранским народам древности вписано в более широкий исследовательский проект: историю России, понимаемую через взаимодействие природы и общества и через призму евразийства. Как ученик и друг М.И. Ростовцева, он разделял его идею этнокультурного синтеза на юге России, но особое внимание уделял

сарматам и аланам. По его концепции, начало славянской истории связано с сарматским вторжением, а формирование «жизненного пространства» восточных славян произошло среди господствующих иранских племен. Аланов Г.В. Вернадский считал самостоятельным сарматским племенем, непосредственными предками осетин и фактором, наиболее повлиявшим на восточных славян. Он выделял многочисленные культурные алано-славянские параллели (топонимика, гидронимия, антропонимия, эпос, искусство). Современные данные, по оценке автора диссертации, не подтверждают многие идеи, высказанные в работах Г.В. Вернадского. Особенно сильное негативное воздействие на его творчество оказывали лингвистические «упражнения», далекие от профессионального научного анализа. Некоторые из них возникли под непосредственным воздействием другого героя настоящего исследования – эмигранта осетинского происхождения Дз. Дзанти – речь о котором пойдет ниже.

Однако, в качестве несомненно положительных моментов в творчестве Г.В. Вернадского следует отметить его блестящую эрудицию и огромный массив источников, привлекаемых для написания масштабных трудов, что было названо «историографической феноменальностью» этого автора. Он также был первым крупным автором, использовавшим общеевразийский контекст для объяснения своей исторической концепции Восточной Европы.

В шестой главе подробно рассматриваются труды эмигрантов второй волны – М.М. Казанского (Франция) и А.М. Лубоцкого (Нидерланды). Автор касается лишь некоторых сюжетов среди многочисленных публикаций М.М. Казанского, посвященных аланским древностям в рамках «варварской» археологии эпохи Великого переселения. Вклад А.М. Лубоцкого в алано-осетинскую проблематику связан с индоевропеистикой: изучение этимологии отдельных иранских слов, названий осетинских праздников и пр. Главное достижение этого автора — открытие и публикация аланских маргиналий в рукописи Q12 (1275 г.) и новое прочтение аланских фраз в известном труде «Теогония» Иоанна Цеца.

В седьмой главе описываются два поколения осетинских эмигрантов. Первое из них представлено Дз. Дзанти (редактор журналов «Осетия» и «Oss-

Alanes») и Дз. Зураевым (автор «Северных иранцев Восточной Европы и Северного Кавказа», 1966 г.), которые характеризуются как самоучки с идеализированным образом Осетии, чьи труды не отвечали критериям академичности, но имели просветительское значение и привлекли к осетинской теме Рерихов и Г.В. Вернадского. Б. Мысыккаты, представитель эмиграции конца XX в., оценивается как исследователь, вписанный в мировую науку и интерпретирующий нартовский эпос в индоевропейском контексте. Анализ его творчества сугубо комплиментарный и не содержит критики.

В заключении Л.А. Чибиров подытоживает основные выводы, которыми заканчивается каждая из перечисленных выше глав его диссертационной работы. Автор отмечает отсутствие обобщающей работы о взглядах российского научного зарубежья на иранскую проблематику. Данный пробел заполняется рассматриваемым исследованием, в которой анализируются труды двух поколений эмигрантов. К первой волне он относит М.И. Ростовцева и Г.В. Вернадского: они, по его оценке, обоснованно показали ираноязычность скифов и этногенетическую цепочку «сарматы – аланы – осетины», но модернизировали социальный строй скифов и сарматов, а Г.В. Вернадским также высказывались преувеличенные оценки роли аланов в истории восточных славян. Вторая волна (М.М. Казанский, А.М. Лубоцкий, Б. Мысыккаты) использует материал, не всегда доступный российским коллегам, и работает в русле как советской научной традиции, так и мировой науки. Осетинские эмигранты первой волны (Дз. Дзанти, Дз. Зураев) оценены как авторы с романтизированным взглядом на историю аланов, не имевшие специальной подготовки, но популяризировавшие данную тему.

Таким образом, перед нами фундаментальное исследование, всесторонне освещающее как современное состояние скифо-сармато-аланской проблематики в истории и археологии, так и подробную историю формирования научных взглядов ключевых ученых-иранистов. Работу характеризует широкий охват материала: автором используется библиографический список порядка 1 тыс. наименований.

Диссертация А.Л. Чибирова представляет собой завершенную научную работу, выполненную на актуальную тему и содержащую ряд значимых результатов. Это систематизация трудов ученых российского зарубежья по скифо-сармато-аланской проблематике, ввод в научный оборот и систематический анализ литературной деятельности Дз. Дзанти и Дз. Зураева, ранее не получавших связного историографического описания. Отдельного упоминания достойно привлечение переписки, раскрывающей связи Г.В. Вернадского, Ю.Н. Рериха и Дз. Дзанти.

Несмотря на высказанные замечания, диссертация А.Л. Чибирова соответствует требованиям п. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» (постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842), а ее автор, Чибиров Алексей Людвигович, заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.5. – «Историография, источниковедение, методы исторического исследования».

Отзыв составил доктор исторических наук,
профессор РАН, зав. отдела теории и методики
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института археологии Российской академии наук
(117036 Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Тел.: (499) 126-47-98, факс (499) 126-06-30
e-mail: ia.ras@mail.ru; официальный сайт: http://archaeolog.ru/)

Коробов Дмитрий Сергеевич

28.10.2026

Контактные данные:
e-mail: dkorobov@mail.ru; мобильный телефон: +7-916-182-57-09